

Н.Ф. Финдейзен

Эдвард Григ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Н11

Н11 **Н.Ф. Финдейзен**
Эдвард Григ / Н.Ф. Финдейзен – М.: Книга по Требованию, 2012. – 60 с.

ISBN 978-5-458-15010-1

Эдвард Григ. Очерк его жизни и музыкальной деятельности. С 5 портретами и снимками.

ISBN 978-5-458-15010-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Глава I

На родинѣ: дѣтство въ Бергенѣ. — Юность и ученіе въ Лейпцигской консерваторіи. (1843 — 1862 гг.).

Маленькій приморскій городокъ Бергенъ, въ Норвегіи, оказался родиной нѣсколькихъ выдающихся сѣверныхъ художниковъ — Хольберга, основателя современной датской литературы, поэта Вельхавена, знаменитаго скрипача Олэ Булль, живописца Даля и, наконецъ, славнѣйшаго изъ норвежскихъ композиторовъ — Эдварда Грига. Однимъ изъ предковъ норвежскаго художника былъ, повидимому, шотландскій адмиралъ Грейгъ, фамилію котораго Григи носили до своего переселенія изъ Шотландіи въ Норвегію. Одинъ изъ нихъ, купецъ Алесандръ Грейгъ изъ Абердина, эмигрировалъ изъ Шотландіи во второй половинѣ 18-го вѣка и обосновался именно въ Бергенѣ, въ этомъ второмъ, послѣ Христіаніи, городѣ Норвегіи; здѣсь онъ нѣсколько измѣнилъ свое имя, такъ какъ фамилія *Григъ* оказалась болѣе удобной для норвежскаго произношенія. Этотъ первый Григъ — былъ прадѣдомъ композитора, дѣдъ его, Джонъ Григъ — былъ британскимъ консуломъ въ Бергенѣ также, какъ и сынъ Джона — Александръ. Отъ брака Александра Грига съ норвежкой Гезиной Хагерупъ родился, 15 іюня 1843 г., славный норвежскій художникъ — Эдвардъ Григъ¹. Въ Бергенѣ и его окрестностяхъ протекло дѣтство композитора; здѣсь онъ въ зрѣломъ возрастѣ явился руководителемъ мѣстной музыкальной жизни; наконецъ, въ окрестностяхъ Бергена онъ поселился въ своей виллѣ съ 1885 г., проживъ въ ней до самой смерти,

¹ Григъ предпочиталъ это сокращенное, какъ онъ, называлъ «артистическое», имя, хотя при крещеніи получилъ имена Эдварда-Хагерупа.

постигшей его въ томъ же родномъ городѣ.

Александръ Григъ всегда былъ другомъ сына. Въ дѣтствѣ послѣдняго, когда Эдвардъ еще мечталъ сдѣлаться пасторомъ или проповѣдникомъ, онъ добродушно выслушивалъ его импровизаціи; въ юности, когда вдохновеніе Грига уже проявляло самостоятельную оригинальность, старый Григъ дружески-спокойно выжидалъ, что выйдетъ изъ этихъ стремленій сына, еще непонятныхъ большинству его окружавшихъ, въ томъ числѣ такимъ установившимся авторитетамъ, какъ Нильсъ Гаде и Олэ Буллъ. Страсть къ проповѣдничеству пробудилась у Эдварда, очевидно, подъ впечатлѣніемъ похоронныхъ торжествъ, въ особенности погребенія его дѣда, со стороны матери, Эдварда Хагерупа († 1853 г.), въ честь котораго получилъ свое имя и будущій норвежскій художникъ. Интеллигентный дѣдъ, пользовавшійся почетомъ среди населенія (недаромъ его хоронили подъ звуки похороннаго марша, сочиненнаго для этого случая принцемъ Густавомъ — это было однимъ изъ сильнѣйшихъ музыкальных впечатлѣній дѣтства Грига), вообще имѣлъ благотворное вліяніе на юнаго Эдварда. Еще раньше вліяніе музыки уже сказалось на воспріимчивомъ мальчикѣ.

Въ этомъ отношеніи Григъ унаслѣдовалъ если не свою геніальность, то музыкальный талантъ вообще — отъ матери. Гезина Хагерупъ-Григъ была серьезной музыкантшей. Ученица извѣстнаго Альб. Мэтфесселя, она получила широкое музыкальное образованіе, часто выступала въ бергенскихъ концертахъ (даже съ такой виртуозной вещью, какъ Большая фантазія ор. 80, Бетховена, для фортепіано, хора и оркестра); устраивала дома и въ обществѣ серьезные музыкальные вечера; много арранжировала и даже владѣла литературнымъ дарованіемъ. Любимыми композиторами ея были Моцартъ и Веберъ; любовь къ первому унаслѣдовалъ и Эдвардъ Григъ. Особенностью ея интерпретаціи была

ритмическая жизненность, — тоже характерная черта въ творествѣ будущаго норвежскаго художника. — Гезина Григъ скоро разгадала мечтательную наклонность сына. Его уже въ раннемъ дѣтствѣ тянуло къ роялю. «Какое чудесное, полное таинственности удовлетвореніе — вспоминаетъ Григъ въ своемъ автобіографическомъ наброскѣ² — когда я протягивалъ руки къ клавишамъ, чтобы открыть — конечно, не мелодію, — для этого недоставало еще многого, — что существуетъ гармонія. Сначала терція, затѣмъ аккордъ изъ трехъ нотъ, дальше — полный аккордъ изъ четырехъ и, наконецъ, обѣими руками — о радость! — комбинація изъ пяти нотъ — нонаккордъ! Когда я его находилъ, блаженству моему не было конца!»

Эти первые проблески прорывались, еще когда Эдварду было всего пять лѣтъ. Черезъ годъ мать рѣшила усадить его за рояль и сама взялась за обученіе сына. Увы, какъ всегда, корни ученія оказались горькими. Мальчикъ мечталъ удовлетворить своимъ мечтаніямъ, научиться овладѣть тѣмъ же, что такъ чудодѣйственно привлекало его въ музицированіи матери. Онъ натолкнулся на обычную строгую техническую сушь, противную и неумолимую, особенно когда онъ чувствовалъ себя подъ надзоромъ матери. Гезина Григъ даже изъ кухни могла управлять лѣнившимся мальчуганомъ: «стыдно, Эдвардъ, — *fis, fis*, а не F» — закричала она однажды неожиданно изъ кухни, готовя обѣдъ! Эдвардъ былъ побѣжденъ ея волшебнымъ знаніемъ и долженъ былъ преодолевать всю эту «техническую чертовщину», какъ онъ называлъ гаммы и упражненія.

И все таки матери и ея строгости онъ былъ обязанъ тѣмъ, что занимался музыкой регулярно и

²«Мой первый успѣхъ — автобіографическія воспоминанія Грига о его дѣтствѣ и юности; см. «Русск. Муз. Газ.» за 1905 г. №№ 43 — 49.

скоро почувствовалъ себя въ ней уже настолько свободнымъ, что 12 — 13 лѣтъ понесъ однажды въ школу свой первый опусъ.

Къ тому времени домашнее обученіе уже смѣнилось школой, скверной и мучительной для ребенка, по своимъ педагогическимъ приѣмамъ, но вполне обыкновенной для того времени. Насколько антипатична была эта школа, видно изъ тѣхъ ухищреній, къ которымъ прибѣгалъ Эдвардъ, чтобы освободиться отъ уроковъ или избѣгать наказанія за свое нерадѣніе. Школа находилась въ Бергенѣ, а Григи — въ то время Эдварду было 10 лѣтъ — уже жили въ верстѣ отъ города, въ усадьбѣ Ландосъ, и мальчику, вмѣстѣ со старшимъ братомъ, приходилось ежедневно путешествовать мимо знаменитыхъ дождевыхъ башенъ города. Какъ часто Эдвардъ окачивалъ себя этимъ искусственнымъ дождемъ, чтобы имѣть поводъ опоздать или отдѣлаться отъ уроковъ! Все таки, однажды, онъ попался, такъ какъ оказался промокшимъ до костей въ то время, когда дождя небыло. Его *alibi* было утрачено навсегда. «Я и теперь нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, писалъ Григъ въ 1905 г., — что эта школа развила лишь то, что было во мнѣ дурного, оставляя все доброе нетронутымъ».

Только одинъ изъ учителей школы — учитель пѣнія, старый чехъ Шедивый, призналъ музыкальныя способности Грига послѣ выдержаннаго имъ экзамена въ гаммахъ. Впрочемъ, Эдвардъ и вообще слылъ въ школѣ какъ бы за музыканта; недаромъ онъ одинъ въ классѣ зналъ, что Моцартъ написалъ музыку на текстъ Реквіема. Въ эту то школу Эдвардъ и понесъ, однажды, тетрадку нотъ съ крупной надписью: «*Variațiuni на нѣмецкую тему для фортепіано Эдварда Грига, opus I*». Онъ хотѣлъ показать ее только школьному сотоварищу, но тотъ невольно выдалъ тайну какъ разъ во время урока нѣмецкаго учителя, вообще недолюбливавшаго Грига. Учитель поднялъ мальчика на смѣхъ, призывалъ еще другого учителя полюбовагся на маленькаго

мошенника, оказавшагося вдругъ композиторомъ, а напослѣдокъ схватилъ Эдварда за волосы и безцеремонно крикнулъ: «въ слѣдующій разъ принеси лучше въ порядочномъ видѣ свой нѣмецкій словарь, а эту дрянъ оставь дома»... Таковъ былъ своеобразный успѣхъ перваго произведенія Грига въ школѣ.

Больше одобренія Эдвардъ встрѣтилъ у своего пріятеля — офицера, большого любителя музыки, а затѣмъ скоро совершенно измѣнилась его судьба, — измѣнилась неожиданно, и причинойтому оказалась та же музыка, за которую съ нимъ такъ печально расплатился педагогъ бергенской школы.

Лѣтомъ 1858 г. Григовъ навѣстилъ какой-то всадникъ на арабскомъ скакунѣ, оказавшійся пріятелемъ стараго Грига, а главное — выдающимся музыкальнымъ авторитетомъ въ его глазахъ. Это былъ никто иной, какъ прославленный скрипачъ Олэ Буллъ. Съ нимъ мы еще встрѣтимся въ дальнѣйшемъ повѣствованіи; теперь достаточно сказать, что онъ засадилъ Эдварда за рояль, просмотрѣлъ его дѣтскіе опыты и, въ концѣ концовъ, дружески потрясъ его, заявивъ совершенно серьезно: «ты долженъ ѣхать въ Лейпцигъ и стать музыкантомъ». «Я почувствовалъ — рассказывалъ Григъ, — будто добрая фея гладила мою щеку»...

Волшебный сонъ разсѣялся, но разсѣялся благотворно для будущаго художника. Родители Эдварда какъ-то сразу повѣрили въ пророчество знаменитаго скрипача. Ненавистная школа была брошена и Эдвардъ Григъ въ томъ же году былъ отправленъ, черезъ Гамбургъ, въ Лейпцигъ, чтобы поступить въ тамошнюю консерваторію.

Вступая въ Лейпцигскую консерваторію, свѣтловолосый норвежскій мальчикъ, въ синей блузѣ съ кушакомъ (какъ подсмѣивались за это надъ нимъ консерваторцы изъ нѣмецкихъ буршей), еще точно пребывалъ въ своихъ заповѣдныхъ грезахъ. Эдвардъ

былъ убѣжденъ, что въ этомъ храмѣ искусства средневѣковаго суроваго Лейпцига надъ нимъ совершится чудо, и онъ, пройдя курсъ, вернется домой знахаремъ въ этомъ искусствѣ.

Постепенно, однако, и здѣсь одолѣвало его разочарованіе. Изъ всѣхъ консерваторскихъ мудрецовъ онъ съ дѣйствительнымъ благоговѣніемъ вспоминалъ лишь о старомъ теоретикѣ и канторѣ школы св. Оомы — Мор. Гауптманѣ, въ священномъ «баховскомъ» домѣ котораго юноша нашелъ отраду и одобреніе своимъ первымъ школьнымъ исканіямъ, не удовлетворявшимъ и даже сердившимъ остальныхъ его менторовъ. А ихъ было немало — піанистъ Плэди, ругавшій всѣ методы, кромѣ своего, и умѣвшій показывать ученикамъ только медленныя вступленія «Каприччіо» Мендельсона (доходя до болѣе трудныхъ *allegro*, онъ переставалъ играть, небрежно заявляя «и такъ далѣе!»); строгій контрапунктистъ Рихтеръ и болѣе снисходительный гармонистъ Паперитцъ, хотя и его изумляли, подчасъ, безчисленные хроматизмы въ задачахъ Грига и онъ предсказывалъ, что изъ него и выйдетъ «второй Шпоръ»; своеобразный профессоръ формы и инструментовки Карль Рейнеке, о которомъ стоитъ сказать подробнѣе; наконецъ, наиболѣе серьезные и даровитые изъ профессоровъ — Е. Венцель, другъ Шумана, и знаменитый піанистъ и педагогъ — Мошелесъ. О послѣднихъ двухъ, вмѣстѣ съ Гауптманомъ, Григъ въ своихъ автобіографическихъ наброскахъ вспоминаетъ съ благодарностью. О другихъ — болѣе съ добродушнымъ недоумѣніемъ: какъ могли подобные чудаки и схоласты направлять жаждавшихъ знанія юношей.

Во всякомъ случаѣ, Григъ такъ или иначе старался постигнуть консерваторскую премудрость. И здѣсь, какъ раньше въ бергенской школѣ, ему случалось надувать своихъ педагоговъ, но уже невольно. Въ консерваторіи учащіеся были распредѣляемы по

группамъ, такъ что одинъ и тотъ же предметъ необходимо было проходить одновременно у нѣсколькихъ профессоровъ, почему уроки и задачи нерѣдко удваивались. Немудрено, что одна и таже задача представлялась учениками разнымъ профессорамъ. Случалось, что подобная задача удовлетворяла одного профессора и забраковывалась другимъ. Такимъ образомъ, однажды, fuga, заданная Григу на имя «Gade», не понравилась Рихтеру, за то Гауптманъ похвалилъ ее и нашелъ очень милой и музыкальной.

При такомъ ходѣ ученія, когда профессоръ Плэди осмѣивалъ методъ Мошеллеса, а послѣдній при каждомъ удобномъ случаѣ громилъ Шопена и Шумана, которымъ втайнѣ поклонялся Григъ, можно было преуспѣвать только при помощи консерваторской долбяжки, чѣмъ отличались многіе сотоварищи Эдварда, перещеголявшие его въ консерваторіи, а въ настоящей музыкальной жизни оказавшіеся обыденной «золотой серединой». Григъ старался осилить консерваторскую науку и даже — послѣ, тяжелой болѣзни(онъ захворалъ на второмъ курсѣ, въ 1860 г. сильнымъ воспаленіемъ легкихъ, отозвавшимся на его организмъ на всю жизнь), когда онъ ѣздилъ лечиться домой въ Бергенъ, — онъ съ еще большимъ рвеніемъ принялся за окончаніе консерваторскаго курса. Да это рвеніе было и необходимо, чтобы въ самомъ дѣлѣ вынести что-нибудь изъ этого курса.

Григъ окончилъ консерваторію по двумъ спеціальностямъ — фортепіано (у Мошеллеса) и теоріи композиціи. Высшій курсъ послѣдней — формы сочиненія и инструментовки — онъ проходилъ подъ руководствомъ Карла Рейнеке, только что поступившаго профессоромъ въ консерваторію и дирижеромъ концертовъ Гевандгауза. Это былъ, по свидѣтельству Грига, довольно таки своеобразный профессоръ! Ученикъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о формѣ, даже о техникахъ струнныхъ инструментовъ, но

Рейнеке, не объяснивъ ни той, ни другой, сразу задалъ ему написать — квартетъ! Что было дѣлать? Оставалось одно — скопировать, насколько это возможно для ученика, квартетъ по образцамъ классиковъ или Шумана, такъ какъ Григъ самъ, еще раньше, изучалъ квартеты Моцарта и Бетховена. Квартетъ былъ исполненъ на публичномъ концертѣ и — заслужилъ одобреніе профессора, который, также безъ всякаго дальнѣйшаго объясненія, заявилъ Григу — «ну, теперь засядьте за увертюру»! Однако, на увертюру Григъ застрялъ и окончилъ консерваторію, такъ и не дописавъ увертюры...

Того, что не могла дать молодому норвежцу прославленная консерваторія, принесла жизнь, — вѣрнѣе, практика. Пребываніе Грига въ Лейпцигѣ было полезно именно съ этой стороны: въ концертахъ Гевандгауза Григъ слушалъ и изучалъ много образцовъ оркестровой и камерной музыки. Этимъ, онъ едва ли не болѣе обогащалъ свои познанія, во всякомъ случаѣ дѣйствительно художественно *развивалъ* себя, чѣмъ сухою, необстоятельною и часто разнорѣчивою премудростью, которую авторитетно старались внѣдрять въ умы учащихся не всегда достойные своего званія профессора-педагога.

На Пасхѣ 1862 г. Григъ выступилъ на актовомъ концертѣ консерваторіи (въ Гевандгаузѣ), сыгравъ свои 4 фортепіанныя пьесы и получивъ обычное одобреніе и дипломъ. Эти пьесы — «незрѣлыя произведѣнія самодѣльной работы» — были первымъ печатнымъ его сочиненіемъ,³ и это обстоятельство впослѣдствіи заставляло краснѣть художника, черезчуръ щепетильнаго къ грѣхамъ своей музыкальной юности. Что касается консерваторскаго квартета, то судьба его осталась неизвѣстной. Одинъ сотоварищъ Грига, восторгавшійся его творческими опытами,

³Opus I. Vier Pianoforte Stücke.

вымѣнялъ этотъ квартетъ на партитуру фортепіаннаго концерта Шумана, и съ тѣхъ поръ композиторъ потерялъ свое первое камерное произведеніе изъ вида. Быть можетъ, когда-нибудь оно и выплыветъ на свѣтъ Божій.

Въ своихъ автобіографическихъ наброскахъ Григъ довольно рѣзко подводитъ итоги своего консерваторскаго ученія. «Я покинулъ консерваторію такимъ же дуракомъ, какимъ и вступилъ въ нее — пишетъ онъ. Во многомъ Григъ винилъ самого себя, свою норвежскую натуру, полную мечтательности и неспособности къ борьбѣ, ибо, какъ онъ мѣтко характеризуетъ, — «норвежцы развиваются очень медленно; рѣдко кто изъ насъ до 18-лѣтняго возраста покажетъ, что сидитъ въ немъ». Но уже черезъ годъ, когда будущій норвежскій художникъ окунулся самъ и позналъ музыкальную жизнь не черезъ призму консерваторскихъ традицій, — онъ точно пробудился. Онъ узналъ самого себя, свое назначеніе. Тогда, все прежнее ученіе — и дома, и въ школѣ, и въ консерваторіи — оказалось какой-то странной подготовительной работой именно со стороны отрицательной, чтобы познать истину жизни, познать свое художественное Я. *«В самомъ себѣ я нашелъ достаточно силы, чтобы сбросить ярмо всего ненужнаго хлама, которымъ меня надѣлило скудное воспитаніе дома и за границей, едва ли не близкое къ тому, чтобы мои природныя данныя направить по совершенно ложному пути: въ этой силѣ и крылись мое спасеніе, мое счастье»...*

Глава II.

Первые шаги молодого музыканта; на родинѣ и за границей. — Гаде, Олэ Буль и Нордраакъ. — Обрученіе. (1862 — 66 гг.)

Григъ вернулся на родину дипломированнымъ музыкантомъ и съ кое какимъ композиторскимъ багажомъ. Врядъ ли, однако, онъ самъ считалъ себя вполне подготовленнымъ къ предстоявшей дѣятельности, ибо на первыхъ же порахъ онъ продолжалъ штудировать то, чего ему не дало консерваторское образованіе. Но сначала, все таки, онъ долженъ былъ показать бергенцамъ, что пробыль 3 года въ Лейпцигѣ не даромъ. Въ первый же зимній сезонъ онъ далъ свой первый концертъ въ Бергенѣ, для котораго пригодились и экзаменаціонныя 4 фортепіанныя пьесы (op.1), и консерваторскій квартетъ, и первые изъ его *Lieder* — opus 2 — для альты. Успѣхъ былъ полный. Доходъ съ этого концерта, и не малый — первый заработокъ молодого музыканта — былъ употребленъ имъ на покупку партитуръ оркестровой и камерной литературы. Теперь Григъ впервые могъ основательно заняться изученіемъ инструментовки, которая только фиктивно числилась въ консерваторскомъ курсѣ.

Весной слѣдующаго года Григъ отправился въ Копенгагенъ, чтобы присмотрѣться къ музыкальной жизни болѣе интенсивнаго, въ этомъ отношеніи, и болѣе крупнаго города, чѣмъ провинціальный Бергенъ. Кромѣ того, въ столицѣ Даніи жилъ тогдашній глава скандинавской музыкальной школы — *Нильсъ Гаде*, знакомство и совѣты котораго могли быть только полезны молодому норвежскому музыканту. Григъ, дѣйствительно, пользовался дружескимъ вниманіемъ и совѣтами датскаго мастера, хотя и не былъ никогда его